

Наталья КОЛЕСОВА
Я УМЕРЛА

Рассказ

Новокузнецк
2020

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Наталья КОЛЕСОВА

Я УМЕРЛА

Рассказ

Новокузнецк
«Ник без Компані»
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К60

КОЛЕСОВА Наталья

К60 **Я умерла** : рассказ / Наталья Колесова ; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Ник без Company, 2020. – 24 с.
12+

Мистико-детективный рассказ новокузнецкой писательницы, который раньше был опубликован в журнале «Полдень, XXI век» в 2009 году.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Наталья Колесова

Фото Валерия Немирова

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась в Новокузнецке. Закончила филологический факультет Кемеровского университета. В КЛФ «Контакт» пришла в 1991 г. Активный участник ролевого движения. Первая публикация – повесть «Голубая пантера» – в газете «Новокузнецк без политики» в июле-сентябре 1996 г. Пишет и нефантастическую прозу.

В конце 2007 года в издательстве АСТ вышел роман Натальи Колесовой «Карты судьбы». С 2009 по 2020 год в московских издательствах вышло десять её книг, а также публиковались её повести и рассказы в журналах и сборниках. Последние издания её книг выходят в серии «Грани миров Натальи Колесовой».

В Новокузнецке вышло десять книжечек Натальи Колесовой.

Старик, как водится, начал с него. Выказывал таким образом своё уважение, что ли?

– Фёдор, мне очень не нравится, как вы выглядите.

В комнате полумрак, но у Старика совсем не старческое зрение. Федор придавил дёргавшуюся щеку.

– Погудел вчера...

– Надеюсь, это никоим образом не отразится на ваших способностях?

Была у Старика раздражающая манера говорить округлым полно-литературным языком.

– Никоим, – подтвердил Фёдор.

Старик повернулся к заказчику – плюгавому невзрачному мужику. Тот старался не дёргаться. Удавалось плохо.

– Ты при деньгах? – толкнул Фёдора в бок чернявый Юрик. Фёдор только пожал плечами – денег не было. То есть совсем. Потёр коротко стриженую голову. Такие стрижки уже выходят из моды, но он с трудом менял привычки. И оружие любил старое. И друзей. А, может, просто сам стареет?

– Итак, Охотники, – сказал Старик, – вот ваша задача на сегодняшний день...

Юрик вновь толкнул его в бок. Фёдор подавил желание ответить тем же – и поувесистей. Юрик сказал возбуждённо:

– Гляди, баба!

И впрямь – баба. Девка, скорее. Напряжённое лицо. Напряжённые глаза. Напряжённый, плотно сжатый рот. Под дулом пистолета её снимали, что ли?

– Не-ет, мужики! – хлопнул по коленям Давыд. Поднялся. – Я так не договаривался. Я ни баб, ни детей...

– Вы сядьте, Давыд, – тихо сказал Старик. – Я ещё сумму не назвал.

Он назвал, и Давыд сел. Да за такие деньги и баб, и детей... Юрик присвистнул:

– Это что ж она такое вытворила?

Фёдор с новым интересом всматривался в снимок, втягивая, впитывая каждую чёрточку. Ничего особенного – сотню раз за день мимо пройдёшь, и не заметишь-не запомнишь. Старик раздавал снимки и

распечатки с данными. Имя. Адрес. Рост. Вес. Цвет глаз, волос. Имена и адреса родственников, ближайших друзей. Место работы.

– Особые приметы? – спросили у Фёдора за спиной. Арнольд. Арнольда он не любил.

– На попе родинка! – предположил весёлый Юрик.

– Особых примет нет. Может быть одета в лёгкий халат. На ногах – шлёпки. Или босиком. Ещё вопросы?

– Она что, из психушки сбежала?

Юриным вопросом Старик пренебрёг.

– Сроки?

– Сегодня-завтра.

Охотники зашевелились. Город до миллиона, конечно, не дотягивает, но два дня...

– Подсказки?

– Скорее всего, она будет крутиться рядом с родным домом. Или где-нибудь рядом с домами друзей. Но её никуда не пустят.

– Почему?

Старик взглянул на заказчика. Тот, сцепив пальцы, откашлялся. Сказал негромким надтреснутым голосом:

– Необходимо вернуть её туда, откуда она пришла. Пока не поздно. Чем дольше это будет тянуться, тем сильнее она становится. Сейчас она в шоке и поймать её будет легко, но позже...

Он пожал плечами. Все были заинтригованы, молчали. Фёдор ещё раз пробежал глазами распечатку, перевернул, изучил чистую сторону.

– Мало информации.

Заказчик смотрел на него с опаской.

– Это всё. Я даю вам данные. Деньги. Это всё.

– У неё может быть оружие?

– Боже мой! Конечно, у неё нет никакого оружия! Вы должны только найти её, задержать... и дать мне знать.

Юрик захихикал:

– Да за такие деньги мы вам её из-под земли достанем!

Фёдор смотрел на руки заказчика – они сжались ещё сильнее – аж пальцы побелели. Фёдору не нравилась эта работа. Не нравился заказчик. Не нравилось лицо девушки. Ему не нравились даже большие деньги. Очень хотелось отказаться. Он поймал озабоченный взгляд Старика.

– Ну так кто берётся? Фёдор?

Все смотрели на него. Кто – озадаченно, кто – выжидающе, Арнольд – наверняка с насмешкой. А он сам смотрел на снимок. Почему у неё такое лицо? Что ей сказали? Что она увидела? Глаза глядели не на него, а чуть вкось, и от этого ощущение неопределённости только усиливалось.

– Фёдор?

Он придержал вновь задёргавшуюся щеку. Кивнул.

– Берусь.

Я иду по городу, не замечая удивлённых взглядов прохожих на мои босые ноги. Халат тоже неприлично-домашний, не новый уже, но я иду, улыбаясь во весь рот, и чуть ли не напевая. Наконец-то я вернулась домой!

Останавливаюсь у телефонного автомата, опираюсь локтем об его нагретый солнцем обколупанный бок. Сейчас брякну, что звоню с вокзала, а потом раз – и уже стучу в дверь!

Когда знакомый усталый голос произносит:

– Да? – решаю пошутить.

– А Наташу можно?

Пауза.

– Девушка, Наташа умерла.

Гудки.

Я отвожу трубку от уха. Это ведь мамин голос? Да нет, я ошиблась, конечно, я ошиблась номером! Тщательно надавливая кнопки, набираю снова. Старьё! Только и знает, что жетоны жрать!

– Алло?

– Мама, это я! Я приехала!

Тишина.

– Кто это?

– Мам, ты что, меня не узнаёшь? Это Наташа!

Пауза.

– Девушка, вы ошиблись номером...

Гудки.

Мама. Это была мама...

Женщина подержала руку на телефонной трубке.

– Кто звонил? – спросила подруга.

– Ты права. У меня скоро начнутся галлюцинации. Мне показалось... это Наташин голос.

Я нажимаю на звонок ещё раз. Никого. Куда они все подевались? Ведь я же телеграмму посылала, когда приеду. Да и Алик ещё в отпуске. Может, поехал встречать меня на вокзал, и мы разминулись? Я сажусь у двери на ступеньки. Почему-то очень устала. Хочется спать. А я ведь только и делала, что спала в поезде. Нахмурившись, вспоминаю. Правда, с какими-то кошмарами...

Кто-то спускается по лестнице, непрерывно ворча. Когда выворачивает на мой пролёт, ворчание становится отчётливей: «Расселась! Сидеть ей больше негде! Всю дорогу перегородила! Алкаши проклятые! Наркоманы! Все засрали!»

Я оглядываюсь.

– Тётя Маш! Здравствуйте! Вы наших не видели?

Старуха приостанавливается, нависая надо мной.

– Чьих – ваших?

– Беляевых.

– Беля-яевых?

Она перекидывает сумку из одной руки в другую.

– Как не видела? Видела. Уехали они. Уехали. Полчаса назад. Алик Сергеевну повёз. На машине.

– Куда повёз?

– Куда-куда... Куда глаза глядят. Горе-то у них какое!

– Горе? Какое горе?

Блёклые глаза тётки Маши блеснули. Она опускает сумку на ступеньки, явно настраиваясь на долгий разговор.

– Так дочку они схоронили. С месяц назад.

– Кого? – тупо спрашиваю я.

– Наташу, дочку! Ой, молодая была, ой, молодая... в гробу-то лежала, как живая... личико нисколько не попорченное... Носик востренький, вся в белом, цветов нанесли-и...

Я беспомощно смотрю на неё снизу. Кто в гробу? Какая Наташа? Какая дочка?

– И не видать вообще, что в аварию попала!

– В аварию?

– Ну да! Поезд-то с рельсов сошёл, слышала, небось? Террористический акт! – старуха со вкусом выговаривает длинное слово. – Человек, может, тыщу погибло! В газетах писали, и по радио, и по телевизору... Кого по кусочкам собирали, а Наташа вся целёхонька, на лице даже синячка ни единого. Ой, жалко-то как, молоденькая была... не замужем ещё...

– Тётя Маш... – говорю беспомощно. Замолчав, та щурится на меня.

– А ты откуда меня знаешь? Что-то не припомню я тебя, дочка. И нечего тебе здесь сидеть. Нечего. Нет Беляевых. А ты сидишь... И обувь твоя где? Не маленькая босиком бегать. Иди с Богом. Иди.

Я провожаю её глазами. У бабки крыша съехала. Окончательно и бесповоротно. Ещё бы – восьмой десяток. Я, наверное, тронусь уже на третьем... Машинально кидаю взгляд на свои ноги. Действительно. Босая... Шевелю пальцами. Пыльные. Господи, куда я дела обувь? Или

уже успела разуться? Оглядываю площадку – пусто. Я встаю, мельком удивившись, что не почувствовала холод ступеней. Отряхиваю подол. А что я тут сижу, собственно, у меня же ключ? Они мне наверняка записку написали...

И задумываюсь. Сумки нет. Совсем ничего нет. Я сумки в камере хранения оставила? Они были очень тяжёлые... Но ключи... И обувь... Уж явно не сунула в камеру хранения – при всём моём раннем склерозе! Я вновь серьёзно оглядываю площадку. Пытаюсь вспомнить, во что я была обута: не свалились же они с меня по дороге, в конце концов!

И через мгновение понимаю, что совершенно не помню, как очутилась на Театральной площади. Как переодевалась в купе при подъезде к городу, как выходила из вагона, на чём ехала до своей остановки... Господи, неужели я напилась? Нет, только чай, проводница разносила – еле тёплый, сладкий... Да и вообще, не напиваюсь я до потери сознания! Тётка напротив перечисляла свои бесконечные болячки, я делала вид, что слушаю, а сама думала – да тебе с такими хворями на погост уже давно пора. Потом...

Что было потом?

Я спускаюсь вниз, сажусь на раздолбанную скамейку у подъезда. И только сейчас понимаю, как я замёрзла. Несмотря на тёплое послеполуденное солнце меня прямо-таки колотит от холода. Больно смотреть на солнце, на небо, на проходящих мимо ярких людей... Я закрываю глаза ладонью, откидываясь на спинку. Может, я больна? Может, у меня температура, и поэтому я ничего не помню? Но почему так холодно, холодно, холодно?

Я вздрагиваю, как от удара. Сердце медленно, судорожно трепыхается, словно забыло, что надо биться. Почему-то очень трудно дышать...

– Вам плохо?

Я сощуриваюсь. Близкое лицо. Знакомое лицо...

– ...Слава?

Я это сказала или подумала?

– Женщина! Вам плохо? Может, «скорую» вызвать?

Я безмолвно смотрю на него. Он стал каким-то другим. Лицо усталое... Слишком серьёзное.

– Ну что? Вы в порядке? – спрашивает, повышая голос. Наверное, решил, что я глуховата. Или у него кончалось терпение.

Я медленно киваю. Он поворачивается и уходит.

И он меня не узнал. Что это? Что это такое, господи? Неужели я так выгляжу? Может быть, что-то с моим лицом? Может, я... грязная? Я с трудом поднимаюсь, ковыляю до косо стоящей на газоне

машины. Наклоняюсь и осторожно смотрю на себя в зеркальце. Отразилась, слава те господи, я ещё не призрак! Нет, не грязная, хотя умыться с дороги бы не мешало... И вполне узнаваема.. Слегка бледновата. Побледнеешь тут... Я задумчиво огибаю дом. Узкий тупик, мусорные баки и тут же, зачем-то – скамейка. Не обращая внимания на вонь, сажусь. Пытаюсь привести в порядок мысли. Или хотя бы чувства. Но все они какие-то... замороженные. Взгляд приковывает куча высыпавшегося из бачка мусора. Что произошло? Что случилось? С ними? Со мной? С миром?

Женищина, с которой я говорила по телефону, – моя мама. Тётя Маша, которую я знаю с младенчества... И Славка, господи, Слава!

Мозг тускло мерцает, туда-сюда. Из мирно укачивающего поезда с говорливой соседкой – сюда. К тёплому летнему дню, к мусорной вони, к идущему изнутри холоду...

Лёгкое движение – и я с неожиданным любопытством уставилась на крысу. Огромную, жирную, неповоротливую крысу, появившуюся из-за крайнего бачка. Не серая, не чёрная, а какая-то бурая, словно вылинявшая, крыса поводит мордой, похожей на акулю, подёргивает носом и короткими жёсткими усами. Круглые немигающие глазки смотрят на меня. Мне становится не по себе. Откуда-то, точно её позвали, появляется ещё одна. И ещё.

И ещё.

– Брысь! – резко говорю я, взмахивая рукой. Они наблюдают за мной с ледяным спокойствием. Я встаю на скамейке и вижу, что крысы приближаются – неторопливо, короткими перебежками, словно дожидаясь друг друга. К горлу подкатывает тошнота – и паника. Метнувшись, я толчком опрокидываю скамейку и вырываюсь из этой... крысоловки. Отбежав, оглядываюсь. Крысы сидят, сложив на жирных брюхах лапы, и наблюдают за мной с непоколебимым спокойствием – будто знают, что никуда я от них не убежу.

Я перехожу на шаг. Вот и крысы свихнулись...

– Я хочу побывать у неё дома, – сказал Фёдор.

– Мы же договорились – никаких контактов с родственниками и друзьями!

– А я и не собираюсь контактировать. Я просто хочу побывать у неё дома.

– Мать с братом уехали. Квартира на сигнализации, – проинформировал Старик.

Фёдор улыбнулся в трубку. Старик как будто увидел эту улыбку, потому что сказал с угрозой:

– Если что – выпутывайтесь сами!

– Угу, – сказал Фёдор и отключил мобильник.

Я стою возле мусорного бака. Сосредоточенно наблюдаю за бомжикой, шурудящей палкой его содержимое. Вот обнаружила пивную бутылку. Косится на меня и быстро суёт её в свою обширную «побирушку». «Побирушка» приветственно звякает. Бомжиха взглядывает ещё. Глаз между заплывшими сине-чёрными веками почти не видно. Неожиданно тыкает палкой в сторону.

– Обувь вон, – говорит хрипло.

– А?

– Вон там в мешке обувь. Малая мне... – информирует с сожалением. И ковыляет прочь. Я провожаю её взглядом. Гляжу на свои босые ноги. Просто чудо, что я ни на что ещё не напоролась...

В мешке, видимо, поначалу полно, уцелел один зимний сапог без замка, старый кед и пара раздолбанных, но ещё крепких сабо. Мне они тоже маловаты, пятка свисает, но чего привередничать?

В это время к баку подходит девочка, опасливо косится на меня, набрасывает на стенку стопку одежды и быстро уходит. Я смотрю на свой короткий халат и – задумчиво – на выброшенную одежду...

– ...скорбный сороковой день трагедии...

Я иду мимо фонтана. Брызги, почему-то очень тёплые, почти горячие, моросью покрывают мои голые руки, лицо и вновь приобретённый «гардероб». Я щурюсь на солнце, играющее в тугих струях, морщусь от пронзительного визга бегающих по парапету ребятишек. Всё, как всегда. Кроме...

– ...поезд «Москва–Н-ск», который должен был прибыть в наш город 25-го июля...

Я поднимаю голову. Что за поезд? Почему здесь поезд? Это же не вокзал, где объявляют поезда? 25-го июля... Мой поезд?!

Несколько человек глядят на гигантский экран, с недавних пор установленный на площади. Обычно по нему передают рекламу или спортивные матчи, но вот подишь ты...

– ...этот террористический акт потряс город, принёс горе и скорбь в сотни семей, оставил незаживающую рану...

– ...завтра первое городское кладбище вновь заполнится цветами, траурной мелодией... Мы скорбим вместе с вами, дорогие наши сограждане...

Я стою в фонтане, погрузив руки в воду до самых плеч. Вода дрожит и струится. Руки кажутся бледно-зелёными, расплывающимися, зыбкими. Нереальными. Как я сама.

Как все вокруг.

Я поднимаю глаза. Люди смеются и показывают на меня пальцами. Какого-то ребёнка с трудом удерживают на бортике. Пацан ревёт – требует немедленно пустить его в фонтан, вон ведь взрослая тётя купается! Значит, можно?

Зачем я сюда забралась?

Медленно раздвигая воду ногами, я бреду к парапету. Влезаю с трудом, оцарапав колени. Вода течёт с намокших шорт. Я гляжу на людей сверху. Но ведь они-то реальные?

– Какое сегодня число?

Смотрят кто с насмешкой, кто и с сочувствием. Потом кто-то говорит:

– Третье сентября, долбанутая! Год и тысячелетие сказать?

Я неловко спрыгиваю, поскользываясь на мокрых сабо. Нога подворачивается. Не больно. Я иду прочь, говоря:

– Не надо. Год и тысячелетие – не надо...

Ну, тут трудно перепутать. Налево – запахи валокордина и старых вещей, с которыми не спешат расставаться, – комната мамы. В зале обитает братец, отвоевавший себе угол с компьютером и дисками. Значит, направо проживает клиентка.

Фёдор вошёл. Постоял, приглядываясь. Ночное зрение у него отличное, опять же фонарь за окном. Чистенько. Даже слишком. Девушка, похоже, малость на порядке повернута. Книжки – в линейку, помада – по ранжиру. На кровати-полуторке – древний мишка. Всё в куклы играем, да? За что ж тебя так хотят «вернуть туда, откуда ты пришла»? Фёдор мимоходом взял флакон с духами. Пахло то ли дыней. То ли арбузом. Свежестью, короче говоря.

Провёл рукой по столу. До сих пор любит писать письма, хотя есть электронка и мобилы. А на широком подоконнике читает книжки. Про любовь, конечно, про что ещё бабы читают? Заглянул в шкаф. Пара вещей дорогих, остальное – дрянь барахольная. То ли денег мало, то ли плевать ей.

Присел на кровать. Посидел, закрыв глаза, и лёг. Если бы у него было время, серьёзно думал Фёдор, он бы мог увидеть даже её сны. А так – обычные женские мыслишки: где денег перехватить, как заставить себя в тренажёрный пойти, что ответить ехидне-сотруднице на работе... А, и парень ещё, по подъезду сосед, к которому она не ровно дышит...

Фёдор лежал на спине, раскинув руки-ноги, как морская звезда, и смотрел в потолок. По потолку металась тень от веток, ползла

прерывистые линии света от фар проезжавших машин. И что с того, что он лучший Городской Охотник? И что с того, что он знает её привычки и даже кое-какие мысли? Он не знает главного – *почему* её ищут.

А потому не знает – *где* её искать.

Фёдор поднялся. Поправил покрывало и мишку. Прошёл по сегодня не скрипящим половицам. В зале было темнее. Он уже направился к прямоугольнику входной двери, как что-то его толкнуло. Остановило.

Фотография. Напряжённое лицо, напряжённые глаза...

Чёрная ленточка.

Фёдор сел на диван. Вот теперь он точно знал – *где* её искать.

И по-прежнему не знал – *почему*.

Я смотрю на арку над головой. Мешаюсь всем входящим-выходящим, но упорно продолжаю разглядывать облезающую краску на металлических буквах. «Первое городское кладбище». Зачем я сюда пришла? А, да. Хотелось побыть вдали от людей, где тихо и зелено. Лучше места точно не найдешь.

И – что ещё?

И посмотреть на свою могилу.

Вот так вот.

Иду по пустым дорожкам. Сегодня не «родительский день», поэтому народу мало. Говорят, мэр давно грозит закрыть кладбище – а то живым уже места не хватает.

Всё, как я и хотела. Зелено. Тихо. Вдали от людей (живых, понятно).

Я ориентируюсь по последней дате на памятниках – она неумолимо приближается к нынешнему году.

Потом месяцу.

Потом стали одинаковыми дни. Июль, двадцать пятое. Двадцать пятое июля, двадцать пятое... День, когда наш поезд должен был прибыть в город.

Я останавливаюсь. Оглядываюсь. Земля на могилах чёрно-бурая. Глинистая. Живые цветы уже завяли, искусственные поблекли, а посаженные не выросли. Кое-где отважно пробивается трава.

Значит, вот здесь я и похоронена. Я прислушиваюсь к своим ощущениям. Ощущений никаких – разве что вялое любопытство.

Фотография мне не понравилась. Я её не любила, а мама вставила снимок в рамочку и водрузила на телевизор – чтобы любой проходящий мог убедиться, какая у неё красавица-дочка. А то, типа, меня рядом нет...

И надписи, кроме фамилии-имени и дат, никакой. Наверное, напишут уже на капитальном памятнике. Какой они собираются поставить? Мраморный? Надо будет поинтересоваться.

Я услышала какой-то звук и машинально оглянулась. Нет, этот звук вырвался у меня самой. Какой-то неопределённый – то ли истерический смешок, то ли неначатый плач. Я сажусь на низкую оградку, прислоняюсь виском к металлическому столбику. Прости, подруга. Не знаю, кто ты и почему решили, что ты – это я, только меня-то там нет, а тебя кто-то ищет, всё на что-то надеется...

– Ой, дочка, – говорят рядом. Я открываю глаза. На меня смотрит пожилая женщина в сереньком блёклом платье. В руках у неё пластиковые бутылки. Наверное, приходила цветы на могилке поливать.

– Смотрю – одно лицо, – продолжает сочувственно. – Близняшка твоя, да? Сестричка?

Я гляжу на неё. Изогнув шею, смотрю на себя на памятнике. Отвечаю сама себе с фотографии неприязненным взглядом.

– Нет, – говорю. – Разве не видите – это я?

– Ой, дочка, – по инерции повторяет женщина. – Горе-то какое!

И замолкает. И делает шаг назад. И ещё. Поворачивается и уходит – очень быстро. То и дело оглядываясь. Интересно, за кого она меня всё-таки приняла – за ожившего мертвяка или за рехнувшуюся с горя близняшку?

Фёдор и сам не знал, как находит своих «клиентов». Юрик вон свято уверен: стоит только хорошенько пошерстить друзей-подруг и дальних родственников – и дело в шляпе. Давыд методично докапывается до причин заказа. Фёдор тоже всё это делает – хоть и без особого рвения.

Ему самому важны личные вещи, фотографии. Он перебирает их, смотрит, трогает... нюхает даже; целыми ночами крутит один и тот же любимый фильм «клиента», пролистывает его зачитанную книгу, слушает музыку...

А потом часами бродит или ездит по городу. Гуляет, не думая ни о времени, ни о направлении...

И встречается – если не сказать – *сталкивается* с объектом.

Но как, скажите, разыскивать того, кого встретить уже невозможно? Кого уже не нужно искать?

Сегодня он сел в машину. Не спеша колесил по городу. Последний день. Похоже, задание они провалил скопом – уже звонил Юрик, осторожненько расспрашивал. Давыд поинтересовался прямо и сразу отключился. Арнольд – понятное дело – на связь не выходил, но раз их не отозвали, в пролёте все Охотники...

Уже стемнело, когда Фёдор свернул в проулок, известный только таксистам да местным жителям. Фары освещали редкие тёмные фигуры прохожих – небо хмурилось, и люди спешили обратиться от

греха под крышу. Фёдор зажжёт фары дальнего света – и тут же погасил. Майка, шорты, шлёпки... руки, зябко обнимающие плечи, склонённая голова... неторопливая, чуть неверная походка человека, идущего в никуда...

Машина следовала за мной по пятам. Не знаю, почему я в конце концов обратила на неё внимание. Я и без того очень рассеянна, а в свете недавних событий...

Итак, она медленно ехала за мной вдоль тротуара. Такой машине следовало бы нестись по улицам города, нарушая все правила дорожного движения скопом, сбивая пешеходов и подрезая менее крутые иномарки...

Эта почти ползла.

Я несколько раз оглянулась. Вряд ли в своём новом прикиде я могла внушить кому-нибудь неземную страсть. Никто не пригласит меня в ресторан или «прокатиться». Надо бы свернуть куда-нибудь, чтоб убедиться, что «джипермен» едет именно за мной, но было мне очень лень. Вообще было как-то расплывчато – всё равно – как будто меня оглушили. Пыльным мешком из-за угла ударили.

Я остановилась и стала смотреть на машину. Машина остановилась и стала смотреть на меня. Да-да, казалось, что смотрит именно машина – своими раскосыми глазами-фарами, – а не сидящий за тонированными стёклами человек. Потом дверь открылась. Мужчина – коротко стриженный, мордатый – выглянул наружу.

– Наталья? Беляева?

Я моргнула. Приятное исключение – в последнее время меня предпочитают не узнавать. Только теперь я его не знала.

– Да-а-а...

– Садись в машину.

– Зачем?

– Надо поговорить.

– Зачем? – тупо повторила я.

Мужчина полез наружу. Мои ноги совершенно самостоятельно сделали несколько шагов назад. Он увидел это и вскинул ладони. Правда, «успокоить» у него не получилось, потому что руки были здоровенные – под стать машине. И сам он был поперёк себя шире.

– Не убегай. Давай поговорим, просто поговорим – и всё.

Я огляделась. Темнело. Собирался дождь. Прохожих вокруг было мало. Да и вряд ли кто вмешается. Если что. Я сделала ещё шагжок назад. Парень развёл ручищами и прислонился задом к капоту.

– Видишь? Стою. Не двигаюсь. Ну что? Говорим?

– Говорите.

Он молчал. Я переступила с ноги на ногу.

– Ну?

Он открыл рот, вздохнул – и снова ничего не сказал.

– Я ухожу, – предупредила я.

– Ты умерла, – сказал он быстро.

Я просто кивнула.

– Знаю. А вы что... вы откуда?

– Долго рассказывать. Я хочу в этом разобраться. Понять. А ты?

Наверное. Я молча смотрела на него. Мужчина огляделся. Сказал – почти просяще:

– Слушай, садись в машину, а? Я же не один такой... Могут ещё... понаехать.

Кто? Откуда? Зачем?

Он знал про меня. Он узнал меня – единственный во всём городе. То есть, я всё-таки существую. Иногда я сама в это не верила. Он хочет разобраться. Может, и мне заодно всё объяснит?

– Садись, – сказал парень и сел в машину.

Мы ехали быстро и молча. За окнами мелькал вечерний город. Устав смотреть на огни, я посмотрела на водителя. Не отрывая глаз от дороги, он повернул голову, показывая, что слушает.

– Куда мы едем?

Взгляд мельком.

– Домой.

Я пожала плечами. Ответ как ответ. От других теперь и этого не дождешься. Он не напугает меня больше, чем всё остальное...

Ехали около часа – это я обнаружила, всплывая из обычного теперь серого забытья. Вокруг были новостройки. Двухэтажные коттеджи. Многие окна ещё тёмные – в них никто не жил. Позвякивая ключами, хозяин пошёл к своему, отгороженному от дороги невысоким забором. Над крыльцом зажёгся свет. Открыв дверь, парень обернулся, сказал негромко:

– Иди.

Я вылезла из машины, оглядываясь и прислушиваясь. В какой стороне вообще город? Куда теперь бежать? Я медленно подходила к дому, из темноты выплывало его лицо... Откуда он взялся? Почему посадил меня в машину? Почему за всю дорогу ни одного вопроса?

Фёдор машинально посторонился, пропуская её в дом. Спихнулся через мгновение:

– Стой!

Собаки уже радостно скалились навстречу госте...

– Нельзя! – рывкнул Фёдор. И удивился – оба кобеля послушались, затормозили резко, осев на задние лапы. Он шагнул мимо неподвижной девушки. Похлопал по спине старшего, Ральфа: ротвейлер крупно дрожал, отворачивая от двери тяжёлую башку и пряча глаза. Стаффордшир Хан осел в углу, набычившись и широко расставив лапы. Что они натворили? Фёдор оглянулся. Девица рассеянно смотрела вглубь дома.

– Собак не боишься?

Она ответила через паузу – то ли не услышала, то ли не сразу поняла. Обкуренная, что ли?

Качнула головой.

– Только крыс.

– Проходи.

Прошла. Ральф сильнее прижался к хозяйской ноге и громко заскулил. Хан сделал лужу, чего с ним давно уже не случалось. Шлепками и пинками Федор выгнал их наружу:

– Гулять!

Потянул носом. Пованивало... И не собаками. На помойке она ночевала, что ли?

– Слышь, иди в ванную.

Ванна была огромная, Фёдору она очень нравилась. Ни одна женщина, побывавшая здесь, не могла остаться равнодушной. Эта стояла посередине, оглядываясь и моргая на всё, точно сова. Вода бодро и весело била в подымавшуюся пену. Фёдор деловито потрогал воду.

– Раздевайся, я сейчас тебе какой-нибудь халат...

Он не думал, что она воспримет его слова буквально, но когда вернулся, девушка уже сняла с себя всё, вплоть до белья. Фёдор с разгону шагнул вперёд, протягивая ей халат. Она замедленно взяла, хозяин буркнул:

– Мойся! – и остановился. – Это что?!

Проследив его взгляд, девица уставилась на огромный синяк, черневший над грудью.

– О, господи, откуда это? Когда это я так ушиблась?

Фёдор смотрел недоверчиво. «Ушиблась»? Такой удар может запросто сломать грудину. Остановить сердце. Не заметить его просто невозможно.

Она осторожно потрогала пальцами синяк. Вскинула глаза.

– Мне не больно! Совсем.

Фёдор машинально протянул руку, коснулся – и тут же отдернул.

– Ты ледяная! Ты где так замерзла?

– Н-не знаю...

– Лезь в ванную. Я горячей добавлю. Сиди подольше.

Ногой подгрёб сброшенную одежду. Линялая красная широкая майка. Раздолбанные шлёпки. Невозможного – парашютного – размера шорты. Девушка, осторожно влезая в ванну, пояснила:

– Я всё в мусорных бачках нашла. Вы знаете, оказывается, выкидывают вполне приличные вещи!

Хмыкнув, Фёдор подобрал с пола «сэконд-хэнд».

– Ну вот и я выкину.

Трусы, правда, ей оставил. Женского белья у него в доме не водилось.

Почти час в ванной, а лицо даже не порозовело. Правда, пахла она теперь только водой и шампунем. Оглянулась с прежним отсутствующим видом. Фёдор показал ей на диван.

– Есть будешь?

– Есть? – глубоко задумалась, будто он спросил её нечто эпохальное. Потом очнулась, сказала с каким-то удивлением: – Нет. Я не хочу.

– А я буду.

Фёдор ел, поглядывая. Пожалуй, даже на том снимке она выглядела лучше. Правда, с тех пор прошло два дня... Два дня они пытались схватить её за задницу.

– Почему тебя ищут? – спросил дружелюбно. Дело есть дело. Но интерес-то надо удовлетворить!

Она вздёрнула голову. Если б можно было, побледнела ещё больше.

– К-кто?

– Конь в пальто!

Девушка смотрела большими глазами. Фёдор знал, что они у неё серые, но сейчас, от расширенных зрачков, казались чёрными.

– Какой... конь?

– Вот я и спрашиваю... Ладно, ты кто?

Она утянула ноги с пола. В красном свете лампы её невысохшие волосы отливали матовым теплом. Сказала себе в колени:

– Я уже и не знаю...

– Это как?

– Я думала – я Наталья. Беляева. А теперь не знаю...

Фёдор слушал. Она не врала, он бы понял. Глаза слабо поблескивали, когда Наталья взглядывала на него или в тёмное окно, где они отражались вместе с комнатой.

– У вас нет... штот? – спросила неожиданно. Он оглянулся.

– Нет. А что?

– Страшно, – просто сообщила Наталья.

Фёдор пожал плечами.

Эта девушка – его добыча. Его деньги. Он выполнил задание, и ему плевать, почему её ищут, и что с ней будет потом. Один звонок...

Фёдор поднялся, сделав рукой неопределённый жест, который она приняла за приглашение. С сомнением оглядел комнату для гостей. Окна нет. Кровать, шкаф, тумбочка с аппаратурой. Дверь крепкая. Если запереть, она не сумеет удрать... Наталья, в смысле. Не дверь.

– Будешь спать здесь.

– Вы что, такой добрый?

Он аж дёрнулся. Пробурчал:

– Даже и не думал...

Закрыл за собой дверь – пока не на замок.

Голос Старика был сонным и недовольным.

– Зачем он вам, Фёдор? Вы же знаете наши правила. Все вопросы – только через меня. Ну хорошо, он перезвонит вам на мобильный.

Фёдор смотрел на собак. Они, против обыкновения, оставались в коридоре. Дремали у самой двери и даже жратву не трогали. Ральф под его взглядом приподнял одну рыжую бровь.

– Он мне нужен лично.

– Вы с ума сошли!..

– Я знаю точное местонахождение девчонки.

Голос Старика из брюзжаще-недовольного стал бодрым и деловым:

– Вот даже как? Вы её нашли?

– Да.

– И где же она, если не секрет?

Фёдор начал смеяться:

– На кладбище!

Молчание.

– Фёдор... – задумчиво произнёс Старик. – Это не смешно.

– Вы просто ему передайте.

Старик привёз заказчика через час. Пробурчал что-то нелюбезное в адрес Фёдора и ушел досыпать во вторую гостевую спальню. Заказчик сел в кресло, уставившись на хозяина воспалёнными глазами. Сейчас он казался гораздо старше, чем в первую встречу.

– Меня... э-э-э... Сергей Сергеевич обнадёжил, что вы лучший из Охотников.

Фёдор кокетничать не стал.

– Да.

– Что, если уж вы не найдёте, другим это будет явно не под силу.

Ха-арроший пиарщик наш Старик!

– Я нашёл, – сказал Фёдор. Заказчик приподнялся, вцепившись в массивные подлокотники. Фёдор посмотрел и хмуро продолжил: – Только не пойму, за что вы такие бабки отваливаете, если и так знаете,

где она? Я что, тело должен выкапывать? Так это другая работа...
Наймите «падальщиков».

Заказчик осел обратно, устало потёр лоб.

– Я так и знал, что возникнет путаница!

– Похоронена не она?

– Она.

– Тогда кого мы ищем?

– Её.

Фёдор посмотрел в потолок. Иногда он жалел, что бросил курить. Проверяет ли Старик заказчиков на предмет вменяемости? Ладно, попробуем с другого боку...

– Почему вы её ищите?

– Нарушен закон.

– Какой закон?

– Непреложный. Мёртвые должны оставаться мёртвыми.

– А что, кому-то удаётся... избежать? – спросил Фёдор с искренним любопытством.

Заказчик вздохнул.

– Не согласитесь съездить со мной в одно место?

– Какое?

– На первое городское кладбище.

Фёдор моргнул. Отвернул рукав и посмотрел на наручные часы. Два часа ночи. Самое время для кладбищ.

– Зачем?

– Там вы получите ответы на все свои вопросы.

А здесь, конечно, их получить просто невозможно. Ехать (и почему только?) не хотелось. Фёдор со вздохом поднялся.

– Ладно. Идите к машине, я сейчас.

Протащил за шкирку вяло сопротивлявшегося Ральфа до гостевой спальни номер один. Уложил у запертой двери.

– Охраняй!

Главное – Старика туда не впустить – а то вдруг его бессонница замучает, начнёт шастать по дому... Старика Фёдор тоже проверил: в гостевой спальне номер два витал деликатный храпок. Из-за угла выглядывал Хан. Увидев, что Фёдор на него смотрит, шмыгнул и затерялся в просторах дома. Побоялся, что хозяин его тоже к делу приспособит.

– Ну, пока, – сказал Фёдор дому.

И отъехал на кладбище.

Луна была круглой и яркой, как прожектор. Полнолуние, самая пора для всяческих психов, оборотней и... прочих прелестей. Заказчик

явно знал дорогу, шустро огибая нагромождения разнообразных памятников. Фёдор старался не отставать. Мучило его раздражение и любопытство. И кое-какие страхи. Потому как получил Фёдор в своё время ха-арошую порцию триллеров и стивенов кингов.

– А вы покойников не боитесь? – не выдержал он, наконец.

Заказчик оглянулся. Глаза и зубы его лунно блеснули.

– А чего нас бояться?

И он этот анекдот знает...

– Не беспокойтесь, Фёдор, скоро четыре часа, петух пропоёт...

Фёдор хмыкнул.

– Вот, посмотрите.

Заказчик посторонился – чтобы не застить лунный свет. Фёдор осторожно, а потому неуклюже переступил низкую оградку. Наклонился к памятнику.

Эта фотография была гораздо лучше. На ней Наталья выглядела просто хорошенькой.

– Ну? – хмуро сказал он, пару раз перечитав ФИО и даты через чёрточку. Огляделся. Могилы вокруг были свежими. На многих ещё временные памятники, венки и не снятые божмами таблички из нержавеющей стали. Фёдор затосковал. Не-ет, его – только в крематорий! И чтоб прах – по ветру.

– В тот день было много похорон, – сказал заказчик, проследив его взгляд. – Помните железнодорожный теракт?

Фёдор указал пальцем на памятник:

– Что, перепутали, не ту похоронили?

– Ту.

– А кто тогда та? – теперь он ткнул пальцем за плечо.

– Она же.

– Значит, – скептически сказал Фёдор, – ей надоело тут валяться, она вылезла и пошла навестить родных?

– Нет, – сказал заказчик.

У Фёдора лопалось терпение. Он постучал носком ботинка в ещё не осевший холмик.

– Вы мне вот что скажите! Если выкопать гробик и, знаете, так... аккуратненько вскрыть, там что-нибудь будет?

– Будет, – уверенно сказал заказчик.

– Что?

– Тело Натальи Беляевой.

– Вот и славненько! Одно тело мы нашли. Сколько их у неё всего?

Заказчик стоял и молча смотрел на него. Фёдор заскучал. Пейзаж навевал тоску. Домой бы... ага, к непохороненной Наташке! Не-по-гре-бен-ной.

– Почему вы уверены, что она одна и та же? – продолжил он. – Просто похожая девица.

– Вы плохо меня слушаете!

– Чем больше я вас слушаю, тем больше понимаю, что вы... это... э-э-э... п-фф... не в себе.

– Да? Спросите у неё, что она помнит о поезде? Помнит ли вообще, как оказалась в городе? Помнит, где её одежда, вещи?

– Мало ли, чего я не помню! А, может, она тоже с психушки сбежала? Вы, случаем, не тамошний санитар? Шла пациентка, шла, зашла на кладбище, увидела на себя похожую – и готово! «Я умерла!»

– Хорошая фантазия! – оценил мужик с серьёзным уважением. – Нет, Фёдор. Я не пациент. И не санитар. Я ведьмак.

– Ага, – Фёдор огляделся. С какой стороны они пришли-то? А Старик у него голову открутит. Всё-таки надо проводить какой-то отбор-отсев! А то в следующий раз заказ придёт уже на вурдалака!

– Вы знаете, кто такой ведьмак? – не отставал чокнутый.

– Видел фильм. Борец с чудищами, да? Ты молодец, мужик! Вот и борись дальше. А я пошёл.

– Сапко-овский?.. Н-не совсем верно. Ведьмак – это тот, кто приглядывает за ведьмами и колдунами. И не дает разгуливать мёртвым.

– Ну-ну, – сказал Федор, огибая Натальину могилу. Извини, деваха, что побеспокоили. Больше не повторится.

– Наталья скончалась на месте от удара в грудь. Сердце остановилось.

У Фёдора самого сердце сделало основательный перебой. Он медленно повернулся. Заказчик смотрел на него.

– Она не помнит катастрофу. Она не знает, что она умерла. Для неё жизнь склеилась, как киноплёнка, от момента катастрофы до прибытия в город. Дотронься до неё. Она холодна, как этот памятник. Уколи её и посмотри – течёт ли у неё кровь.

Фёдор смотрел настороженно. Неприязненно.

– Вы всё ещё не верите мне, Фёдор? Напрасно. Редко, крайне редко, но бывает, что мёртвые возвращаются.

– В смысле, привидения?

– Да, чаще всего, в виде призраков. Мороков, которые не могут расстаться с родными из-за их печали. Бывают также неупокоенные души невинно убиенных... Но у нас другой случай.

– Угу, – кивнул Фёдор. – Ваш «случай», насколько я понимаю, можно руками потрогать!

– Иногда случается возвращение физическое. Я не могу рассказать, как это происходит. Механизм ещё недостаточно изучен.

– За столько-то веков? – сурово спросил Фёдор. Славный разговор посреди могил, под светом полной луны! Всю жизнь о таком мечтал!

– Увы... Но эти вернувшиеся – не люди. Нелюди. Нежить. Ходячие мертвецы. По религии Вуду – зомби. Но и не об этом я!

Поощрительные вопросы у Фёдора уже иссякли. Он просто молча слушал.

– Иногда, – как-то украдкой сказал ведьмак и оглянулся, точно боясь, что его подслушают. Фёдор с трудом удержался от того же. – Иногда они оживают. Понемногу набираются сил, возвращаются к жизни. И если всё оставить, как есть, до сорокового дня, вновь превращаются в живых.

– Опаньки! Во родным-то радость!

Ведьмак-заказчик топнул ногой.

– Вы не понимаете! Она умерла. Мертвецы не должны возвращаться! На земле для них уже нет места! Она нежить, не-жить!

Фёдор кивнул. Понятливо.

– И поэтому вы должны отправить её обратно.

– Вот именно!

– А как? Молитвой, святой водичкой... или... этим, как его, осиновым колом?

Ведьмак отмахнулся.

– Есть способы!

– Угу-угу. Профессиональные секреты, понял, не дурак. А вот скажи ты мне, мужик... ладно, как там тебя, ведьмак... Ты в существование души-то веришь?

– Естественно!

– Тогда скажи мне – вот этот... двойник вернувшийся – это просто тело ожившее? Или у него душа имеется? А если имеется, то чья – того, кто умер? Или уже чья-то другая?

Ведьмак сказал неохотно:

– Этот вопрос тоже не до конца изучен!

– Тогда какого ж... рожна ты эту неизученную душу во второй раз убиваешь?!

– У меня нет права на жалость! Чем она лучше матери троих детей, которая ехала с ней в купе?

– А чем она *хуже* того подонка, что в поезд взрывчатку подложил?! По его-то душу ты не отправишься!

Тишина. Ведьмак сказал устало:

– Я не господь бог. Я не могу судить живых людей. Я присматриваю за мёртвыми. Повторяю ещё раз – она не человек. Она – нежить. Её существование противоречит всем законам природы.

– Противоречит? – Фёдор поднял голову. Луна бледнела. Светлел восток. – Тогда почему она всё-таки существует?

Старик на кухне брезгливыми глотками пил растворимый кофе. Не глядя на Фёдора, буркнул:

– Что, спугнули заказчика?

Ведьмак обратно не поехал. Сидел, отчаявшись, на могиле Натальи Беляевой-один и не отзывался на ненастойчивые Фёдоровы призывы.

– Спугнул, – признался Федор. – Ему не мы нужны, а эти... заклинатели змей, вышибатели бесов... Не наш профиль, Сергей Сергеевич!

– Не наш, – буркнул Старик. Поставил чашку в мойку. – Что за гадость вы пьёте, осмелюсь вам заметить! Беречь себя надо, беречь, холить и лелеять! Нам на радость.

Долго одевался, то так то сяк укладывая на шею шёлковый шарф. Актриса на пенсии, да и только! Фёдор зевал во весь рот.

– Профиль, – бормотал Старик, разглядывая себя в зеркале. – Какой там профиль, Фёдор, побойтесь бога! Вам ли о профиле говорить! А собачку-то не забудьте убрать от спальни, девочка, может, писать хочет, а вы...

– Не хочет, – машинально ответил Фёдор. – У неё там ванная отдельная... Серге-ей Сергеевич!..

Не отрывая восхищённого взгляда от своего отражения, Старик погрозил Фёдору тонким пальцем.

– Не будь у меня на вас больших планов, вы бы так легко не отделались! А насчёт профиля – вы меня не смеши-ите! Ваш профиль – поиск. Детей, преступников, сбежавших собачек, оживших мертвецов... Профиль у него!

И ушёл, ворча и поскальзываясь на ошмётках жирной новостроечной грязи.

Фёдор смотрел ему вслед.

Наступало сороковое утро.

Фёдор отпустил с облегчением вздохнувшего Ральфа. Осторожно приоткрыл дверь.

Нежить-девица Наталья Беляева-два сидела на кровати, накинув на плечи одеяло. Смотрела на него и болтала, как ребёнок, ногами.

Сказала – торжественно:

– Я – хочу – есть!

Литературно-художественное издание

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна

Я УМЕРЛА

Рассказ

*Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –
Калашников Н.Н.*

На первой странице обложки –
рисунок Марины Колотвиной («Круг Чистых», Новокузнецк)

Тираж – 50 экз.

– Почему тебя ищут? – спросил дружелюбно. Дело есть дело. Но интерес-то надо удовлетворить!

Она вздёрнула голову. Если б можно было, побледнела ещё больше.

– К-кто?

– Конь в пальто!

Девушка смотрела большими глазами. Фёдор знал, что они у неё серые, но сейчас, от расширенных зрачков, казались чёрными.

– Какой... конь?

– Вот я и спрашиваю... Ладно, ты кто?

Она утянула ноги с пола. В красном свете лампы её невысохшие волосы отливали матовым теплом. Сказала себе в колени:

– Я уже и не знаю...

– Это как?

– Я думала – я Наталья. Беляева. А теперь не знаю...

